
ГЛАВА 1,

в которой особый агент получает особое задание

Граф Чернышёв нервничал. Это состояние во- все не свойственно военному министру, извест- ному в свете своей выдержкой, но факт остается фактом: граф был беспокоен. Он ходил взад-впе- ред по своему кабинету, заложив руки за спину, и то и дело бросал взгляд на большие напольные ча- сы, украшенные множеством затейливых фигу- рок. Вершковой толщины ковер скрадывал шаги, и монотонное тиканье часов — единственный звук, нарушавший тишину в кабинете. Сам каби- нет был обставлен с той нарочитой скромностью, которая при императоре Николае Павловиче ста- ла считаться хорошим тоном. Массивный стол с множеством ящиков, несколько стульев с гнуты- ми ножками, пузатый приземистый шкафчик в уг- лу да уже упомянутые часы — вот, пожалуй, и все. На противоположной от окна стене висел парад- ный портрет государя в мундире, ботфортах выше колен и белых лосинах. На руках — белые перчат- ки с крагами, слева на боку — сабля в ножнах. Го- лова слегка повернута вправо. Левая рука придер- живает лежащий на столике шлем с двуглавым ор- лом. Поглядев на портрет, Чернышёв неожиданно обнаружил, что выпуклые глаза императора из-

под высокого лба пристально следят за ним. Граф даже поежился, но тут часы заворковали нежную мелодию, которая означала, что настало десять. В то же мгновение растворилась входная дверь. Граф живо обернулся.

— Вызванный по вашему распоряжению господин Каверин прибыл, ваше превосходительство, — доложил вошедший адъютант.

Его превосходительство нетерпеливо махнул рукой:

— Немедленно пропустить!

Адъютант почтительно испарился, а его место занял загорелый, поджарый блондин в партикулярном платье, которое не слишком вязалось с его явно военной выправкой. Не предлагая своему посетителю сесть, Чернышёв молча изучал его. Лицо смелое, энергичное, ярко блестят серозеленые глаза. Нос тонкий, прямой, рот четко очерченный, а подбородок, пожалуй, таит излишнее упрямство. Несмотря на это, граф остался вполне доволен результатами осмотра. Он искренне считал себя неплохим физиогномистом и, наверное, не на шутку удивился бы, если бы ему заметили, что он упустил из виду самое главное качество вошедшего. А именно: Алексей Каверин был чертовски хорош собой, и любая женщина от Мадрида до Владивостока, не владея искусством чтения лиц, в первую очередь заметила бы именно это. Однако опытному царедворцу не было дела до подобных мелочей. Люди интересовали его только как орудия, подчиняющиеся или не подчиняющиеся его воле, и на своего посетителя он смотрел как на одно из таких орудий.

— Я рад, что вы вернулись с Родоса целым и

невредимым, — сказал он. — Присаживайтесь, прошу вас.

Алексей сел. Он был готов к тому, что сейчас его начнут расспрашивать о последней миссии, которая оказалась на редкость опасной и в то же время на редкость скучной, как и подавляющее большинство секретных миссий. Граф Чернышёв тоже почувствовал, что надо поддержать беседу — хотя, по правде говоря, то, ради чего его подчиненный ездил на Родос, теперь волновало его меньше всего. Он даже хорошенько не помнил причину, по которой Каверин там оказался, — что-то связанное с турецко-греческими делами, но что именно, напрочь вылетело у министра из головы. Тем не менее Чернышёв любезно улыбнулся и спросил первое, что пришло ему на ум:

— Как прошло ваше путешествие?

— Прекрасно, — ответил особый агент Алексей Каверин, почти не покривив душой. В самом деле, за время, которое он провел на острове, его пытались убить всего пять раз.

— А сам Родос? Какого вы о нем мнения?

Алексей оживился. Он ожидал, что ему предстоит скучный разговор о политике, о том, как турки, которым тогда принадлежал остров, притесняют бедных греков, исконных обитателей, но граф, казалось, интересовался вовсе не этим.

— Смешенье всех эпох и стилей, ваше превосходительство, — промолвил Каверин, блестя глазами. — Рыцарские крепости, и тут же рядом — мечети, руины католических соборов и православные церкви. А какая там природа! Вроде то же, что и у нас, но совсем другое! Если уж ромашки, то по пояс, и цвет у них иной. Розы величиной с арбуз, иголки у елок в ладонь длиной, а уж чер-

тополох... — Алексей заулыбался при одном воспоминании. Он как раз собирался рассказать министру, как напоролся на чертополох, лазая по родосским горам, и так как это был добротный греческий чертополох с иголками в два дюйма величиной, то он искренне обрадовался встрече с Кавериным и сквозь одежду вцепился в его ногу, точь-в-точь как собака.

Однако, как оказалось, военный министр не был расположен слушать повесть о чертополохе.

— Что ж, великолепно, великолепно, — промолвил граф. — Итак, вы вернулись и снова поступаете в наше распоряжение. Надеюсь, вы хорошо отдохнули? — добавил он с любезностью, за которой могло скрываться что угодно.

— Наслаждаюсь уже третий день, — ответил Каверин спокойно. — Благодарю вас, ваше превосходительство.

Он с любопытством ждал продолжения, и оно не замедлило последовать.

— Это хорошо, — сказал Чернышёв. Он наконец вернулся за свой стол, сел и сложил руки. Кончики пальцев соприкоснулись. — Однако на государственной службе долго отдыхать не приходится, знаете ли.

Произнесено это было таким тоном, что Алексей сразу же понял: его свобода кончилась, так толком и не начавшись. Он насупился. Император с портрета сурово смотрел на него, призывая к порядку.

— Должен ли я понимать слова вашего превосходительства в том смысле, что... — начал Каверин.

— Именно так, Алексей Константинович, — с

готовностью отвечал военный министр. — У нас имеется для вас совершенно особое поручение.

Яркий летний свет вливался в окно, и Каверин видел, как пляшут в нем невесомые золотые пылинки.

Куда же его пошлют на этот раз? В Персию? В Японию?

— Кажется, вы бывали во Франции? — спросил Чернышёв.

Алексей поднял голову:

— Так точно, ваше превосходительство. Два года назад.

— Вот и прекрасно, — закивал Чернышёв. — Тогда для вас не составит труда снова туда прокатиться.

Каверин воспринял слова его превосходительства как шутку, и притом довольно скверную. В эпоху, когда не было самолетов, а строительство железных дорог только-только начиналось, путешествия были вовсе не такими уж приятными, как мы привыкли воображать. Тряские экипажи, скверные дороги, а сколько проблем с одними лошадьми, не говоря уже о гостиницах, многие из которых отнюдь не являлись образцом чистоты и уюта! И хорошо, если на дороге не встретятся грабители, если в чистом поле вас не застигнет гроза, если кучер попадетя покладистый и знающий свое дело, если... Но тут император на портрете нахмурился столь грозно, что Алексей понял: ничего не поделаешь. Ехать так ехать, как сказал попугай, которого кошка вытащила из клетки.

— Дело в том, — промолвил граф, как бы извиняясь, — что все ваши товарищи сейчас на заданиях, и так получилось, что только вы оказались свободны.

«Ну что мне стоило задержаться на три-четыре дня в Одессе», — мелькнуло в голове у Каверина, но вслух он, разумеется, сказал совсем иное:

— Располагайте мною, как сочтете нужным, ваше превосходительство.

Чернышёв одобрительно кивнул.

— Вот и прекрасно. Теперь, гм, относительно задания. Должен предупредить вас, сударь, дело весьма деликатное.

Каверин почувствовал кислый привкус во рту. Когда военный министр говорит особому агенту, что тот должен заняться чем-то деликатным, это не сулит решительно ничего хорошего. А Чернышёв меж тем продолжал, словно задавшись целью оправдать худшие ожидания подчиненного:

— Да, деликатное... и щекотливое... и совершенно особенное... Впрочем, об этом я, кажется, уже говорил.

Он умолк и строго поглядел на Алексея.

— Да, ваше превосходительство, — ответил тот. Надо же в самом деле что-нибудь сказать.

— Да, — успокоился Чернышёв. — И, разумеется, все должно храниться в совершенной тайне. Недопустимо, чтобы еще кто-нибудь прознал об этом.

Против воли Каверин почувствовал некоторый интерес. Что происходит, в самом деле? Что за поручение такое, которое граф никак не может высказать прямо, а только предостерегает да ходит вокруг да около?

— Я думаю, вы можете всецело на меня положиться, ваше превосходительство, — сказал Алексей.

Николай смотрел на него тяжелым взглядом, будто хотел сказать: да-с, сударь, знаю я, что вы

прохвост, иначе вы бы нипочем здесь не оказались. Но делать нечего, придется-таки посвятить вас в суть, потому как остальные — еще большие прохвосты, чем вы.

— Мы с вами, милостивый государь, знакомы не первый день, — продолжал Чернышёв, — и я знаю, что вы умеете держать язык за зубами. Тем не менее должен напомнить: все сказанное мною должно остаться строго между нами. На этом я особо настаиваю.

— Я понимаю, ваше превосходительство.

— Иначе последствия могут оказаться совершенно непредсказуемыми для вас. Не забывайте об этом, Алексей Константинович!

Алексей терпеть не мог, когда ему угрожали, и даже когда угрожали военные министры державы, которая в данный момент играла одну из первых ролей в мире. Он считал, что за два года в особой службе зарекомендовал себя достаточно, чтобы ему не докучали напоминаниями, что хороший агент — в первую очередь тот, который умеет хранить тайны.

— Я бы все-таки желал, ваше превосходительство, — промолвил он, подпустив в голос вкрадчивости, — узнать, в чем состоит поручение, и, по возможности, поподробнее. Ведь мне как-никак придется его выполнять, — добавил он, мило улыбнувшись.

Граф передернул плечами. Он и сам был не рад, что пришлось затеять этот разговор, но дело, совершенно очевидно, не терпело отлагательства.

— Итак, Алексей Константинович, слушайте и запоминайте. Вы поедете во Францию с паспортом на свое имя. На юге Франции, в Ницце, находится вилла «Ла Вервен». На этой вилле...

*в которой Алексей разговаривает с портретом и
получает от него на орехи*

Кнут со свистом рассек воздух. Лошади тронулись, экипаж загромыхал по петербургской мостовой.

— Н-но, родимые!

Каверин прислонился затылком к спинке сиденья и закрыл глаза. Стояло раннее утро 11 июня 1838 года. Вчера после разговора с министром он вернулся к себе и сразу же велел денщику Гришке укладывать вещи. Готовый пашпорт и дорожную принесли уже через несколько часов.

— До Одессы... А из Одессы — на корабле до Марселя...

Убаюканный покачиванием экипажа, Алексей дремал. Во сне перед ним проносились обрывки вчерашнего разговора с военным министром.

— На этой вилле живет одна высокая особа... Она поправляет там здоровье... Воздух юга Франции, как вам известно, весьма целебен для тех, кто болен легкими...

Особа... Особое поручение...

— Этой зимой ее высочество нехорошо себя почувствовали, и доктора, посоветовавшись, решили отправить ее в Ниццу. Его императорское величество не имел возражений...

— Не имел, — голосом Николая отозвался портрет на стене. Император шевельнулся, погладил лысину и подкрутил усы, после чего грозно прищурился на остолбеневших собеседников. — Ее мать меня уговорила, дескать, осталась единственная дочь, две другие умерли от чахотки... И я

ее отпустил, а не следовало бы. Всем известно, что получается, ежели молодой девице восемнадцати лет от роду волю дать. Ничего хорошего, да-с! И вообще никому нельзя давать воли, потому что от этого начинаются все бедствия...

«Это сон, — во сне догадался Алексей и улыбнулся. — Конечно же, сон».

В реальности, однако, ему пришлось немало помучиться, прежде чем он сумел наконец вывести у графа Чернышёва имя «высокой особы».

— Как, разве вы не поняли, о ком я говорю? Александра Михайловна... Великая княжна, племянница императора... В январе следующего года должна состояться ее свадьба с принцем Кассельским. Этот брак призван укрепить наши дружественные отношения с Кассельским герцогством, и ничто не должно ему помешать. К несчастью, княжна повела себя легкомысленно...

Ага, сообразил Каверин. Наконец-то мы добрались до сути, хоть и с превеликим трудом.

— Как я уже упоминал, княжна выехала во Францию для поправки здоровья. Там она познакомилась с одним господином довольно туманного происхождения. Похоже даже, — Чернышёв опасливо покосился на портрет, — что она позволила себе... гм... увлечься им, и более, чем позволяют ее высокое положение и здравый смысл.

Та-ак... Знаем, знаем. Любви неведомы сословные предрассудки и так далее...

— Но для его императорского величества и для всего русского двора такое положение вещей совершенно недопустимо. К счастью, к великой княжне была приставлена некая ловкая особа, которая немедля известила нас обо всем. Как вы видите, дело и впрямь деликатное... и весьма щекот-

ливое. Тут некоторым образом затронута честь самого императора, ведь наш союз с Касселем... оказался под угрозой из-за недостойной, скажем прямо, прихоти ее высочества.

В глубине души Алексей уже давно скучал. Стало быть, великая тайна, за разглашение которой ему всего каких-нибудь пять минут назад недвусмысленно пригрозили крепостью, заключается в том, что молодая девушка, племянница императора Николая, имела несчастье полюбить человека, который не является принцем Кассельским. Но, черт подери, ей ведь всего восемнадцать... Если в этом возрасте нельзя любить того, кто тебе по сердцу, то когда же можно, в конце концов?

А Чернышёв все говорил и говорил, беспрестанно возвращаясь к тому, что уже было сказано, так что Алексей начал чувствовать себя словно заключенным в заколдованный круг повторяющихся слов. Если принц Кассельский узнает... (Даже во сне Каверин прекрасно понимал, что эта новость вряд ли обрадует принца, однако Чернышёв потратил на доказательство этой очевидной истины чуть ли не четверть часа.) Важность союза с Кассельским герцогством... Император недоволен... По его просьбе мать написала княжне, чтобы та не задерживалась во Франции, однако ответ дочери ее обескуражил. Неужели, писала она, ее родители хотят, чтобы она умерла, как прежде Ольга и Мари? К письму были приложены заключения трех докторов, настаивавших на том, что княжна должна провести в Ницце все лето и обязательно вернуться сюда на следующий год, иначе они ни за что не ручаются. Может быть, разглаговльствовал Чернышёв далее, это обычная уловка... А может, и нет... Ведь у княжны и в самом де-

ле слабые легкие. Но самая большая проблема — это все-таки не ее здоровье, а Эльстон.

— Я вам говорил, что ее... гм... поклонника зовут Эльстон?

Нет, Каверин слышит об этом впервые.

— Понимаете ли, Алексей Константинович... Тут есть еще один щекотливый момент. Все наши предположения основаны на сообщениях одной-единственной особы, проверить которые здесь, в Петербурге, у нас нет решительно никакой возможности. Предположим, что данная особа права и между Эльстоном и ее высочеством и впрямь что-то есть; ну а если все это вздор и выдумки? Отец девушки, великий князь Михаил, так прямо и заявил. Конечно, его дочь склонна к мечтательности, но все же не могла она забыться настолько, чтобы унизиться до... до какого-то шалопая.

Каверину было что возразить на последние слова министра, но он благоразумно промолчал.

— Так что поневоле придется вам, голубчик, поехать в Ниццу и на месте проверить, что да как.

«И только-то?» — едва не вырвалось у Алексея.

— Разумеется, вы не можете просто так взять и нагряться, поэтому мы кое-что придумали. Вы представитесь племянником фрейлины Голиковой, Варвары Федотовны. Мы уже известили ее о том, что к ней скоро для поправки здоровья прибудет племянник, так что с этой стороны все должно сойти гладко.

— А фрейлина Голикова... — начал Каверин.

— Она находится во Франции вместе с великой княжной.

«И заодно пишет на нее доносы», — про себя добавил Алексей. А вслух сказал: